

Русская критика о Пушкине: драма непонимания

Общеизвестно: отечественная пушкиниана (а в числе ее создателей были крупнейшие писатели, выдающиеся мыслители, авторитетные литературные критики) составляет яркую, блистательную страницу в истории русской культуры. Столь же очевидно и другое: постижение творчества Пушкина оказалось для русской критики делом мучительно трудным.

Не боясь преувеличения, можно сказать, что история осмысления пушкинского наследия - это в значительной степени драма непонимания. Приближение к истине нередко отзывалось искажением сути и духа пушкинского гения, сопровождалось созданием и утверждением мифов о Пушкине. Не вдаваясь в детали, остановимся на трех основных, наиболее устойчивых мифах, которые во многом определили посмертную судьбу поэта, жизнь его произведений в "большом времени" (М.М. Бахтин). Именно поэтому они могут быть названы великими мифами.

Первый из них, начавший формироваться еще при жизни Пушкина, но прочно утвердившийся и получивший широкое распространение после его смерти, это миф о нем как "чистом художнике" - слугителе красоты, чье творчество лишено сколько-нибудь серьезного и значимого общественного содержания. Наиболее полно этот взгляд был обоснован Белинским в его знаменитом цикле статей о Пушкине и в особенности - в статье пятой, где раскрывается "пафос" пушкинской поэзии, т.е. ее "нерв", ее главенствующая идея и внутренняя суть.

Пафос творчества Пушкина, а вместе с ним - и разгадку тайны его поэзии Белинский видит в артистизме и художественности. Разъясняя свою мысль, критик говорит, что вся допушкинская поэзия несла на себе печать рассудочности и дидактизма - родовых черт XVIII столетия. Пушкин же явил нам поэзию в чистом виде, сделал ее в полном смысле искусством слова. Он первым в нашей литературе разгадал тайну поэзии! Красота, артистизм, изящество пушкинских стихотворений, полагает Белинский, заключается не просто в совершенстве их формы, но в красоте и изяществе выраженного в них чувства, ибо это - чувство человека-художника. Отсюда - внутренняя красота личности и "лелеющая душу гуманность"

как главные свойства его лирики, определяющие ее "общий колорит"¹.

Но в том же артистизме, в той же художественности, по мысли Белинского, таится и ограниченность пушкинской поэзии, неспособной ответить на "тревожные, болезненные вопросы настоящего". Творчество Пушкина, чуждое социальному анализу и глубоким раздумьям о жизни, - убежден критик, - не отвечает уже потребностям нового времени, настоящей минуты. Поэтому значение его не абсолютно, не безусловно. Тем не менее в его наследии есть ценности вечные и незыблемые.

Двойственность позиции Белинского очевидна. Впоследствии Чернышевский, во многом опираясь на своего предшественника и воспроизводя его суждения, заметно усилит критические нотки по адресу Пушкина. Если Белинский видел в пушкинском наследии вечно живое, развивающееся явление, по-новому открывающееся каждому поколению читателей, то Чернышевский ограничивает значение Пушкина рамками определенного исторического периода, уже уходящего в прошлое, предрекает наступление времени, когда творчество поэта останется только памятником эпохи. Обосновывая свой прогноз, Чернышевский противопоставляет "поэта мысли", "определенного воззрения на жизнь" и поэта, для которого "художественность", "артистизм", совершенство формы составляет главную творческую задачу. Поскольку Пушкин, утверждает он, принадлежит поэтам второго рода, он не сопоставим по масштабу с поэтами-мыслителями - такими, как Байрон, Шиллер, Гете. К тому же забота о совершенстве формы, полагал критик, неминуемо ведет к объективизму, беспристрастности искусства, предполагает нейтральность общественной позиции писателя. Чернышевский считал, что зрелые, наиболее совершенные творения Пушкина наименее значимы в общественном отношении. Этим-то и объясняется охлаждение читателей-современников к его позднему творчеству. Вот почему Пушкин не может уже играть в русской литературе первенствующую роль. Роль эта по праву перешла к Гоголю - главе социально-обличительного, "отрицательного" направления².

До логического конца эта линия революционно-демократической критики доведена в известных статьях Писарева, в которых содержится беспощадная и уничтожающая оценка всего творчества Пушкина. В "так называемом великом поэте" критик увидел лишь легкомысленного стихотворца, "опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно не способного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века"³. Конечно, это предел вульга-

ризации, до которого не доходили ни Чернышевский, ни Добролюбов, но своими корнями критика Писарева уходит в их теоретические построения.

Самое поразительное, однако, что и сторонники "эстетической критики" (П.В. Анненков и А.В. Дружинин прежде всего), отвергая взгляды своих оппонентов-"утилитаристов", соглашались с ними в наиболее существенном пункте. Они тоже считали Пушкина "чистым" художником, "художником-артистом", но видели в этом не порок, а заслугу поэта. Творчество Пушкина они рассматривали как лучшее, самое сильное противодействие утилитаристскому подходу к искусству, а служение чистой красоте - как главное достоинство его поэзии. Согласно их концепции, общественное значение искусства состоит не в прямом воздействии на современный быт и современные нравы, а в служении высшим общечеловеческим идеалам - истины, добра, красоты. Творчество Пушкина в этом смысле было для них эталоном.

Итак, непримиримые противники сходились в главном: творчество Пушкина казалось им лишенным социальной остроты, актуального общественного содержания. Неудивительно, что писаревская оценка, писаревский взгляд на Пушкина надолго утвердился в сознании читающей публики.

Лишь в последние десятилетия XIX в. ситуация существенно изменилась. Поворот явственно обозначился на торжествах по случаю открытия памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве (1880), прошедших под знаком всенародной любви к поэту. Центральным событием грандиозного пушкинского праздника стала знаменитая речь Достоевского, вызвавшая всеобщий энтузиазм и получившая небывалый резонанс. Оглушительный успех этой речи во многом объясняется тем, что Достоевский (в отличие, скажем, от Тургенева) говорил главным образом не о художественном совершенстве произведений Пушкина, не о чисто литературном значении его наследия, но прежде всего - о его жгучей общественной актуальности, о том, что "всемирная отзывчивость" Пушкина может способствовать духовному возрождению русского народа, ясному осознанию им своей всечеловеческой предназначенности, ибо "назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное"⁴.

Речь Достоевского резко изменила отношение к Пушкину читательской аудитории, вызвала новую волну интереса к его творчеству. С другой стороны, ее откровенная национально-почвенная ориентация, содержащаяся в ней проповедь идеи русского мессианизма, идеализация смирения и отрицание протеста - все это положило на-

чало созданию второго мифа о Пушкине, как истинном христианине и убежденном монархисте.

Действительно, на протяжении 1880-1890-х годов складывается и получает все большее распространение представление о Пушкине - стороннике самодержавия, который, по едкому выражению А. Блока, "обожал царя" и который, преодолев юношеское вольномыслие, постиг, наконец, смиренную красоту и правду народной жизни, а затем и высшую правду религиозного мирозерцания.

На Пушкина все больше и больше наводят "хрестоматийный глянец", его творчество получает официальное признание, оно входит в школьную программу. Официально-парадный характер принимает во многом и столетний юбилей поэта, героем которого становится, по словам современника, "урезанный и подправленный Пушкин"⁶. Свое дальнейшее развитие этот второй миф получил в эмигрантской религиозно-философской критике первых десятилетий нашего века (особенно в связи со столетием гибели Пушкина).

Вот - наудачу - два характерных суждения:

"Пушкин не принадлежал к числу бунтарей. Он больше утверждал, нежели отрицал, - и он был кровно связан со всем величавым строем Императорской России" (С.С. Ольденбург)⁷;

"Так совершал Пушкин свой духовно-жизненный путь: от разочарованного безверия - к вере и молитве; от революционного бунтарства - к свободной лояльности, к мудрой государственности; от мечтательного поклонения свободе - к органическому консерватизму, от юношеского многолюбия - к культуре семейного очага" (И. Ильин)⁸. Правда, даже самые горячие сторонники подобной концепции вынуждены были признать, что "личная церковность" Пушкина "не была достаточно серьезна и ответственна, вернее, она все-таки оставалась барски-поверхностной, с непреодоленным язычеством сословия и эпохи". Зато, убеждены они, ему "был свойствен свой личный путь и особый удел, - предстояние пред Богом в служении поэта"⁹. Такой подход давал основание интерпретировать в религиозном духе собственно эстетические высказывания и суждения Пушкина, его стихи о роли поэзии и назначении поэта. С удивительной прямоотой и откровенностью говорит об этом И. Ильин: "...все меньше смущает нас то, что мешало некоторым современникам его видеть его **пророческое призвание**, постигать **священную силу** его вдохновения, верить, что это вдохновение исходило от **Бога**. И все те священные слова, которые произносил сам Пушкин, говоря о поэзии вообще и о своей поэзии в частности, мы уже не переживаем, как выражения условные, "аллегорические", как поэтические олицетворения или преувеличения"¹⁰. То есть, когда Пушкин говорит:

"Аполлон", "алтарь", "священная жертва", "жрецы", "божественный глагол" и т.п., это следует понимать не как поэтические иносказания или аллегории, но буквально - как прямые свидетельства личного религиозного опыта поэта, его непосредственных мистических переживаний.

Аналогичным образом С.Н. Булгаков настаивает на том, что сюжет стихотворения "Пророк" не может быть истолкован как чисто "эстетическая выдумка" (ибо "тогда нет великого Пушкина"). Ничего подобного, полагает почтенный автор: Пушкин "описывает здесь то, что с ним самим было, т.е. данное ему видение божественного мира под покровом вещества"¹¹. Так и хочется спросить: ну, а когда Пушкин говорит о поэте как о царе ("Ты царь: живи один..."), он тоже описывает "то, что с ним было", запечатлевает свой биографически-личный опыт? Вообще, полемизировать всерьез с этой наивной точкой зрения решительно невозможно. Достаточно напомнить, что именование поэта пророком, жрецом Аполлона, служителем муз было давней литературной традицией и в пушкинское время встречалось едва ли не на каждом шагу. Считать это "эстетической выдумкой" самого Пушкина нет никаких оснований. И, конечно, Вл. Ходасевич был прав, когда в полемике с Булгаковым отстаивал чисто художественную, а не автобиографическую природу стихотворения "Пророк"¹².

Как бы там ни было, но религиозно-монархический миф о Пушкине оказался необычайно устойчивым и живучим. Он захватил не только критику, но и академическую науку, культуру, образование. С еще большим основанием это можно сказать о третьем мифе (возникшем в противовес второму), мифе о Пушкине как непримиримом враге самодержавия, пламенном революционере, друге и единомышленнике декабристов.

Миф этот должен быть признан прямым следствием общей официально-идеологической установки, предписывавшей рассматривать классическую русскую литературу как явление прогрессивное, враждебное самодержавию и крепостничеству, объективно революционное. И, конечно, жизнь и творчество Пушкина оказались едва ли не самым благодатным материалом для подтверждения и иллюстрации подобной концепции.

В ходе разработки новой, "революционной" версии пушкинского творчества были выдвинуты следующие основные положения:

1. Несомненность личного знакомства Пушкина с декабристами, его тесные дружеские связи со многими из них;

2. Популярность его вольнолюбивых стихотворений в декабристских и околодекабристских кругах, их безусловная агитационно-пропагандистская роль;

3. Политические репрессии, которым подвергся поэт (южная и северная ссылки, увольнение со службы, тайный полицейский надзор и т.п.);

4. Отражение декабристских идей в мировоззрении и творчестве Пушкина;

5. Верность поэта декабристским идеалам после восстания 14 декабря.

Нужно ли говорить, что совокупность этих суждений, каждое из которых само по себе может считаться в той или иной мере справедливым, не отражает ни реальной сложности общественной позиции Пушкина, ни стремительной эволюции его взглядов? Добавим, что весьма упрощенно, однолинейно изображались при этом и взгляды самих декабристов. В результате облик поэта вновь оказывался до неузнаваемости искаженным.

Еще раз подчеркнем: всеобщее и безусловное распространение, долгое господство этого мифа в нашей стране объяснялось во многом причинами идеологически-конъюнктурными. Но не только ими. Не забудем, что революция открыла исследователям доступ к государственным архивам и секретным материалам. Им удалось выявить и ввести в научный оборот целые пласты неизвестных фактов касательно связи Пушкина с освободительным движением и его конфликта с властью. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что в эпоху господства мифа о Пушкине как стороннике самодержавия тема вольномыслия поэта была не в почете, оставалась полузапретной. Достаточно сказать, что в своей замечательной речи "Пушкин и Царское Село", произнесенной в год столетия поэта И. Анненский (в ту пору директор Николаевской гимназии в Царском Селе) вынужден был обходить многие острые углы пушкинской биографии. Он не мог открыто говорить о дружбе Пушкина с декабристами, о ссылке поэта, о его конфликте с правительством и двором, трагическом финале его жизни¹³. А выступивший против официальной концепции творчества поэта В.Е. Якушкин, который в своей юбилейной речи "Общественные взгляды Пушкина" говорил о его глубокой связи с освободительным движением и его верности декабристским идеям, был выслан за это на два года из Москвы¹⁴.

Верно и обратное: насильственное насаждение версии о Пушкине-революционере способствовало "второму пришествию" мифа о православии и монархизме поэта, которое мы наблюдаем в наши дни. Словом, одна крайность порождает другую.

Односторонность каждого из трех названных мифов очевидна. Точно так же очевидно, что в каждом из них заключена немалая доля истины. Ведь Пушкин на самом деле был и непревзойденным поэтом-художником, и певцом свободы, другом декабристов, и защитником российской государственности... Собственно, это вытекает из самого понятия мифа, если применить его к процессу функционирования литературного творчества (а не к изучению генезиса художественного творения, как это обычно бывает). Можно сказать, что миф в этом смысле основан на принципе синекдохи (часть вместо целого), он абсолютизирует одну грань, одну сторону явления (в нашем случае - творчества писателя) за счет других. И в этом "мифологизме" посмертных истолкований и заключена самая суть того, что мы назвали "драмой непонимания" поэта.

Разумеется, преодолеть односторонность каждой из трех версий совершенно необходимо. Это, можно сказать, насущная задача сегодняшнего постижения Пушкина. Однако простое их суммирование тоже не приведет нас к успеху. Необходимо выявить их внутреннюю, глубинную связь, заложить основы их возможного синтеза. Только так мы сможем уяснить суть трудноуловимой пушкинской позиции. И надо признать, что первые шаги по этому пути уже сделаны.

Мы имеем в виду прежде всего позднюю статью П.В. Анненкова "Общественные идеалы Пушкина" (1880), где социально-политические воззрения поэта предстают как сложная и парадоксальная, но целостная система, как "домашняя, секретная теория разумного гражданского существования"¹⁵. Секретная, ибо политические взгляды Пушкина были столь взрывоопасными, что даже полвека спустя Анненков вынужден был многое недоговаривать, тщательно обходить острые углы. Тем не менее он ясно показал: беда России, по мысли Пушкина, в том, что усилиями верховной власти старинное дворянство - главная опора трона - низведено до уровня "среднего состояния" (т.е. "третьего сословия"). Но столь радикальнее перемены грозят ответными общественными потрясениями, которые необходимо предотвратить. К сожалению, умная, дельная и спокойная статья Анненкова не оценена по достоинству.

Обратим также внимание на статьи С.Л. Франка "Пушкин как политический мыслитель" и Г.П. Федотова "Певец империи и свободы" (обе - 1937), в которых сделана попытка нащупать внутреннюю связь между свободолобием и консерватизмом поэта. Так, Г.П. Федотов, констатируя верность Пушкина идеалам свободы на протяжении всей жизни, говорит также и о преданности поэта идее российской государственности: "Во всяком случае в его храме Аполло-

на было два алтаря: России и свободы". "Каким же образом Пушкин мог совмещать служение этим двум божествам?" - спрашивает философ. Возможна ли свобода, сопряженная с империей?¹⁶ И хотя ответы на эти вопросы даются весьма осторожные и уклончивые, сама постановка проблемы поистине замечательна.

Между тем механизм сопряжения и взаимодействия обоих начал может быть объяснен более конкретно и определенно. Действительно, зрелый Пушкин - вслед за Карамзиным - рассматривал самодержавие как наиболее естественную для России форму государственного правления. Однако он никогда не был певцом **современной** ему империи - Александровской и Николаевской монархии. Его привлекала государственность допетровской Руси, в судьбах которой важнейшую роль играло старинное дворянство. К потомкам этих древних родов Пушкин относил самого себя и своих друзей - декабристов. Именно ситуация вольного дружественного союза монарха и древней аристократии отвечала политическим идеалам Пушкина. Именно по этому пути надеялся он направить и развитие современной ему России.

Соответственно мятеж декабристов он рассматривал как исторически оправданное и закономерное выступление потомков старинных родов в защиту своих древних прав, несправедливо и незаконно попранных Петром I и его преемниками (потому-то и называл он Петра "революционером и уравниателем"). Причем выступление против "самовластья" в защиту прежних обычаев и традиционных порядков, полагал поэт, отвечало не только узкословным интересам старой аристократии, но и всего народа. Ибо истинная аристократия, материально и политически независимая (в отличие от полностью зависимого от царской милости нового дворянства), призвана служить представительницей и защитницей народа перед лицом верховной власти. А ее постепенное уничтожение, все большая утрата ею политического значения (к чему приложили руку Романовы) чревата социальной катастрофой - русским бунтом, "бессмысленным и беспощадным". Таким образом идеалы свободы органично совмещаются в сознании Пушкина с идеалами русской государственности, а сочувствие мятежу - с защитой общественной стабильности.

Система взглядов на историю и современность высказана Пушкиным во многих заметках, статьях, художественных текстах, по большей части неоконченных. Она получила свое воплощение и в произведениях завершенных - таких пушкинских шедеврах, как "Борис Годунов", "Полтава", "Капитанская дочка"¹⁷. Но это уже - особая тема.

¹ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т.7. М.,1955. С.339.

² Чернышевский Н.Г. Сочинения Пушкина. Статья вторая // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т.2. М.,1949.

³ Писарев Д.И. Пушкин и Белинский // Соч.: В 4 т. Т. 3. М. 1956. С.415.

⁴ Достоевский Ф.М. Пушкин. Очерк // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.26. Л., 1984. С.147.

⁵ См., например: Незеленов А.И Александр Сергеевич Пушкин. Первый и второй период жизни и деятельности. СПб., 1882.

⁶ См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения / Коллективная монография под ред. Б.П. Городецкого, Н.В. Измайлова, Б.С. Мейлаха. М.;Л., 1966. С.87-89.

⁷ Ольденбург С.С. Поэт империи // Тайна Пушкина. Из прозы и публицистики первой эмиграции. М., 1998. С.197-198.

⁸ Ильин И. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX - первая половина XX вв. М., 1990. С. 339.

⁹ Булгаков С. Жребий Пушкина // Там же. С. 278 - 279.

¹⁰ Там же. С. 329.

¹¹ Там же. С. 282.

¹² Там же. С. 488-493.

¹³ См.: Фридман Н.В. Иннокентий Анненский и наследие Пушкина // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т.50. №4. С.342-343.

¹⁴ См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. С. 88.

¹⁵ Анненков П.В. Общественные идеалы Пушкина // Вестник Европы. 1880. №6. С. 596.

¹⁶ Пушкин в русской философской критике. С. 356, 362, 368.

¹⁷ См. об этом в кн.: Гуревич А.М. Романтизм Пушкина. М., 1993.

*Литературные мелочи
прошлого
тысячелетия*

К 80-летию Г.В. Краснова
Сборник научных статей